

{phocagallery

view=category|categoryid=12|imageid=793|float=left|descriptionheight=0|boxspace=0}Поминать умерших можно только когда веришь, что они – живы. Эта, парадоксальная, на первый взгляд, мысль подтверждается, тем не менее, даже не церковным учением, а обычной человеческой интуицией. «Все там будем...», - так звучит самая распространенная в нашем народе формула поминовения умерших. И нужно сказать, что это очень глубокое отношение – глядя на чужую смерть, помнить о своей собственной. Но есть один очень важный момент, который в этой формулировке ни как не обозначен: а, собственно, где это - «там»? Что находится за чертой, которую уже перешел умерший, и которую рано или поздно предстоит пересечь каждому из нас?

Если за ней лишь пустота, небытие и полное уничтожение человеческого сознания, тогда сама фраза «все там будем...» лишается всякого смысла, поскольку никакого «там» в этом случае просто нет и быть не может. Получается, что, помяная наших умерших даже такой простой фразой, мы исповедуем свою веру сразу в три серьезных факта:

1. Биологическая смерть не уничтожает человеческую личность.
2. После смерти, лишившись тела, человек попадает в иной, не известный нам пока еще, но вполне реальный мир.
3. Переход в этот мир – объективно неизбежен для всех людей, независимо от их личного желания.

Когда близкий человек попадает в больницу, мы навещаем его, носим ему книги, фрукты, куриный бульон в баночке, рассказываем ему последние новости и, прощаясь, говорим, что завтра обязательно придем к нему снова. Если кто-то из дорогих нам людей находится в заключении, мы тоже знаем, как проявить свою любовь к нему. Нам известно, в чем он нуждается, мы собираем ему передачи и шлем посылки, пишем письма, ездим на свидания, короче – делаем все, что бы помочь ему перенести тяготы лишения свободы.

Однако смерть родных всегда ставит нас в какой-то тупик. Нет, мы, конечно, не стали любить их меньше, горечь разлуки даже усилила наши чувства и помогла понять как дорог нам тот, кого смерть у нас отняла. Но что делать дальше, как эту нашу любовь выразить, как сделать, чтобы она дошла до любимого и помогла ему, или порадовала его там, где он оказался – этого мы не знаем. У нас просто нет опыта бытия там, за гранью земной жизни, мы даже представить себе не можем, что же происходит с человеком

после смерти. А когда не хватает своего личного опыта, вполне разумно обратиться за помощью туда, где подобный опыт имеется – обратиться к Церкви, которая уже почти две тысячи лет поминает своих умерших и имеет огромное количество свидетельств действенности молитвенного поминовения усопших. Поэтому очень часто смерть близкого человека приводит в Церковь даже тех, для кого мнение Церкви никогда не являлось авторитетным во всех остальных вопросах их жизни.

Вообще, без веры в жизнь после смерти помянуть умерших – довольно бессмысленное занятие. В советский период истории нашей страны была такая традиция – почитать погибших в Великой Отечественной войне минутой молчания. Для атеистического государства это был очень логичный ритуал. Сердце человека требовало: «Поблагодари этих людей. За твое спокойное и мирное существование они отдали самое дорогое, что у них было – свою жизнь. Ты навсегда в долгу перед ними, поблагодари их». Но разум возражал: «Как можно благодарить тех, кого нет? Какие слова можно сказать тому, кого не просто нет рядом с тобой, а – вообще нигде нет, как не было тебя самого до твоего рождения?». К небытию бессмысленно обращаться с какими бы то ни было словами, здесь действительно остается одно только скорбное молчание. Как некое торжественное признание неверующим человеком полного своего бессилия перед фактом смерти близких людей.

Для атеистического сознания возможны лишь бессловесные формы поминовения умерших, будь то минута молчания, или поминальная чарка – без тостов и не чокаясь.

Но если человек отказывается считать, что его близкие, умирая, растворились без следа в мировом пространстве, если он верит, что они живы, и надеется на будущую встречу с ними (пускай даже после собственной смерти), тогда, для выражения своей надежды, веры и любви ему просто необходимы какие-то слова. И простого, брошенного походя «...все там будем» здесь уже явно не достаточно. Нужны другие выражения – более точные и красивые, нужно понять – в чем смысл такого поминовения, нужно разобраться, наконец – что же происходит с человеком в этом самом загадочном «там», где все мы, в конце концов, должны будем оказаться.

Смерть всегда покушается на самое дорогое – единство нашей любви. Она пытается оторвать нас от тех, кто делил с нами наши невзгоды, кто наполнял нашу жизнь смыслом и радостью. Мы давно срослись с ними, они стали неотделимой частью нас самих. И теперь, молясь за усопших, мы протестуем, мы просто отказываемся признавать законность и правильность этого разделения любимых людей на живых и мертвых. Бог не создавал смерти, и она не имеет ни силы, ни права на наших близких, потому что у

Бога – все живы.

Огоньки свечей, которые мы зажигаем на панихиде, напоминают по форме слезы. Но слеза капает на землю, а пламя свечи всегда стремится вверх. Мы хороним наших близких в могилы, а сердца свои устремляем в небеса, ко Христу и просим, чтобы Он позаботился о тех, кто нам дорог. А они, быть может, просят у Бога позаботиться о нас здесь. Это единство взаимной любви во Христе умерших и живых людей и есть – Церковь Христова.

[Александр Ткаченко](#)

□